

ПЕТЯ + МАША

Александр Балагин,
профессор кафедры русской литературы
Воронежского государственного
университета, кандидат
филологических наук

Говорят, А.Твардовский делил советских писателей на тех, кто читал «Капитанскую дочку» А.С. Пушкина, и на тех, кто не читал. Нужно признать, что художественное чутьё замечательного поэта и редактора позволило ему изобрести тест абсолютно безошибочный. Простота пушкинского письма в «Повестях Белкина» и «Капитанской дочке» создаёт иллюзию заурядного бытописания, являясь на самом деле вершиной словотворчества. Недаром Ф.М. Достоевский всю жизнь восхищался недостижимым мастерством пушкинской прозы, в которой волшебным образом в скромной простоте обычных слов упрятан вселенский смысл человеческой судьбы.

Пушкин предельно краток в описании детства героя «Капитанской дочки». Если, к примеру, у Толстого изображение детства, отрочества и юности героя составляет три отдельных произведения, то у Пушкина — три страницы. Мы не знаем, о чём разговаривали его герои, родные за вечерним чаем, кто к ним приезжал в гости. Не знаем мы и многого другого

из детских лет обыкновенного русского человека, сына помещного дворянина, Петра Гринёва. Из того, что мы знаем о Гринёве-младшем, — так это то, что любил он гонять голубей, играть с крестьянскими детьми, своими сверстниками и товарищами, ибо других у него не было. Знаем о естественном нежелании учиться, потому что обучение было домашним, учителя — каких Бог пошлёт. Чаще всего учителями оказывались полуграмотные иностранцы, приехавшие по советам бывалых людей в эту дикую страну, населённую простодушными и богатыми рабовладельцами. Для российского провинциала человек, говорящий по-французски, будь он хоть последний проходимец, был почитаем из-за своей принадлежности к той земле, посреди которой — загадочный и прекрасный Париж.

По петровским законам о воинской повинности приписывался к какому-либо полку. Таким образом, он становился младшим офицером к восемнадцати годам. Мы почти ничего не знаем об отце Петра Гринёва, но, судя по тому, что Гринёв-старший не захотел посылать сына в столичный Семёновский полк, куда тот был приписан, а своей волей отправил в отдалённый гарнизон, затерянный в башкирских степях, — хороший был отец у Петруши, заботливый — не столько о комфорте, сколько о нуждах Отечества.

Немного потужив о несбывшейся мечте покрасоваться среди петербургских гвардейцев, колебимо послушный воле отца, Пётр Гринёв отправляется служить в Белогорскую крепость. Конечно, Петю посещали мысли об одиночестве и грядущей тоске в несусветной глуши окраинной России. Но вскоре они развеялись. Познакомившись с капитаном Мироновым, начальником крошечного гарнизона, и его супругой Василисой Егоровной, обласканный этими добрыми, простыми людьми, он ощутил себя почти как дома. Из одного тёплого дома — в другой. Только под теплом нужно понимать не жар из печи, но то душевное единение («благорасположение», как говорили в старину), когда для ровного, дружелюбного и весёлого самочувствия достаточно улыбок, ясных глаз и простых слов.

Но ведь была еще и Маша, капитанская дочь! Простая, милая девушка, выросшая

в этой глуши и имевшая, разумеется, весьма смутные представления не только о далёких странах, но и о ближних тоже. Петя Гринёв, по простоте воспитания, ухаживать не умел, поэтому влюблённость свою доверил лишь бумаге. Он написал совершенно бездарные, но очень искренние стихи про Машу и свои чувства к ней:

**Ты, узнав мои напасти,
Сжался, Маша, надо мной;
Зря меня в сей лютой части,
И что я пленен тобой.
И так далее.**

Эти стихи Петя показывает товарищу по службе, Швабрину. В отличие от Петра Гринёва, Швабрин был человеком петербург-

ским, с яркой биографией, в которой была бурная столичная жизнь с театрами, умными книгами, дружескими пирушками, балами и прочими развлечениями. В Белогорскую крепость Швабрин был отправлен за дуэль со смертельным исходом. Поэтому и воспринимает он своё пребывание в гарнизоне как тоскливую ссылку.

Образованный, умный, самолюбивый и язвительно-ироничный, Швабрин

безжалостно высмеял стихи Петруши, а заодно и его чувства к Маше. Из-за этого, как мы знаем, и произошла между ними дуэль.

Может быть, причиной столь нелепой и в то же время нешуточной ссоры стала не только уязвлённая гордость столичного повесы, которому предпочли провинциального простака. Швабрин, как предтеча «лишних людей», не в состоянии смириться с мыслью о том, что счастье просвещённого дворянина может складываться из таких простых и обыкновенных вещей, как домашний очаг, семья, однообразная каждодневная служба, и все это при полном отсутствии того, что связано со светской жизнью — общества, книг, театра. Европейский сплин, или русская хандра, заразившая не последних представителей дворянских родов отечества, была не психологическим «камуфляжем» светских бездельников, но серьёзным несчастьем для многих умных, начитанных, образованных молодых людей того времени. Возникла непроходимая

пропасть между бытом и бытием. Быт, то есть текущую, обыкновенную жизнь поместных дворян, сам Пушкин пометил безжалостно отчётливыми социальными координатами: «барство дикое» и «рабство тощее». Такая жизнь не могла не отторгаться просвещёнными, порой европейски образованными и свободолюбивыми дворянами. Но другой жизни не было. Мучительная двойственность мироощущения нередко порождала фрондерство не как осознанный протест, но как неприятие обыкновенной жизни, которую они воспринимали как воплощение пошлой заурядности.

Удачнее в российскую жизнь того времени вписывались те из дворян, кто, не обладая высокими духовными запросами, не требуя от жизни того, чего она не могла дать, не взыскавая и не страдая, руководствовались мудрой заповедью древних: «делай, что должно, и будь что будет». А.С. Пушкин, который в «Моей родословной» с гордостью назвал себя «мещанином», провидчески указал на то, что надёжность и крепость как личной, так и общественной жизни обусловлена не духовными воспарениями интеллектуалов, не «мятущими натурами», но людьми обыкновенными, достаточно умными для того, чтобы видеть, понимать и обустроить жизнь вокруг себя, исповедуя немногие, но незыблемые ценности (таким, кстати, будет Николай Ростов в «Войне и мире» Л.Н. Толстого). И получалось, что именно такой, «не взыскующий», простой русский служивый дворянин укреплялся своей обыкновенной жизнью в едином центре просто и надёжно понимаемого мира, в котором малым, близким кругом была семья, а обширным, огромным — отечество. И соединялись эти круги скрепами, имя которым — долг и честь. А время горестных испытаний, на которые так щедро была история России, обнаруживало надёжность этих скреп.

Когда пришёл час испытаний для героев пушкинской повести, когда Белогорскую крепость захватили бунтовщики во главе с Пугачёвым и ценою жизни стало предательство,

тогда же наступило время нравственного выбора для всех и каждого.

Швабрин не просто переходит в стан Пугачёва. Швабрин, русский дворянин и офицер, присягает Пугачёву, признавая в нём императора, целуя при этом руку беглому казаку и самозванцу. Когда Гринёва, буквально вынув из петли, подводят к Пугачёву и предлагают сделать то же самое, Петя испытал вот что: «Но я предпочёл бы самую лютую казнь такому подлому унижению».

...Почему повесть Пушкина называется «Капитанская дочка»? Почему такие яркие фигуры, как умный, лукавый и безжалостный Пугачёв или дворянин Швабрин, совершивший ужасное предательство, или Петр Гринёв, жизни и судьбе которого, по сути дела, посвящено повествование; или, наконец, венценосная Екатерина II, принявшая участие в судьбе героев, — почему все эти колоритные фигуры потеснились, чтобы уступить главенствующее место в повести девушке

ПУШКИНСКИЙ УРОК

Маше, единственный подвиг которой — следовать велению души и не делать того, чего делать нельзя?

Девушку и юношу — Машу и Петю, простых русских людей, живших более двухсот лет назад, сближает, как мне представляется, вот что. Они, как и все молодые люди, ждали от жизни счастья. В их представлении счастье виделось как нечто очень обыкновенное и простое, то самое, что людям типа Швабрина кажется унылым и заурядным: дом, семья, дети, работа. Трагические события, в центре которых волею судьбы оказались Маша и Петя, обнаружили в их простодушных натурах то, что не зависит ни от ума, ни от степени образованности. Они не в состоянии совершить дурной, бесчестный поступок не потому, что об этом кто-то узнает, а потому лишь, что этого делать нельзя. Как нельзя, например, дышать под водой. Это называется честью. А Маше пришлось особенно тяжело — ведь она, слабая и одинокая, не могла противопоставить бушующему вокруг злу ничего, кроме невозможности поступить дурно. Она, отказывая Швабрину в его грязных домогательствах, готовилась к смерти и уже как бы восходила к ней. Но случилось иначе. И слава богу. Потому Пушкин справедливо

посчитал, что Маша, отстаивая свою честь такой ценой, была девушкой хоть и обыкновенной, но выдающейся. Тем более что Александр Сергеевич, думается мне, пристально всматривался в нежный девичий лик и очень, наверное, его возлюбил. Потому и поставил эпиграфом к повести слова простые и народные, под стать Маше и Пете: «Береги честь смолоду».

...Сколько Россия существует, столько ведутся разговоры о том, как её спасти. Ищут учителей и поводырей. Учителя и поводыри ищут способы подольше учить и водить. А ведь, если разобраться, всё очень просто. Нужно найти Машу и Петю. Где-то они наверняка есть. Не может быть, чтобы не были. Может, в Смоленске поискать? А может — в Костроме, на Урале, в Сибири? Одним словом, в России, которая читает Пушкина.